

АНАТОЛИЙ
УТКИН

РУССКИЕ ВОЙНЫ
XX ВЕКА

Книга-эпоха

Анатолий Уткин

Русские войны XX века

«Алисторус»

2022

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Уткин А. И.

Русские войны XX века / А. И. Уткин — «Алисторус»,
2022 — (Книга-эпоха)

ISBN 978-5-00180-647-9

Анатолий Иванович Уткин (1944–2010) – крупнейший специалист в области новейшей истории. Его работы отличаются тщательностью проработки темы, научным подходом, большим количеством используемого фактического материала, в т. ч. иностранных источников. В своей фундаментальной книге, вызвавшей большой читательский интерес, А.И.Уткин скрупулезно исследовал проблемы, которые касаются влияния войн XX века на развитие России. Автор считает, что на протяжении двадцатого столетия неоднократно предпринимались попытки убрать Россию-СССР с политической арены мира как великую державу. В результате грубых ошибок Горбачева и Ельцина Россия была вынуждена отступить, но автор надеется, что это еще не завершение нашей истории.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00180-647-9

© Уткин А. И., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Введение	6
Часть первая	8
Подъем России	8
Противодействие Японии и «помощь» Германии	10
Предпосылки войны с Японией	11
Удар	14
Россия	16
Подрывная работа	18
Куropаткин	19
Оборона Порт-Артура	20
Ляоян, Шахэ, Мукден	21
Цусима	23
Итоги войны	27
Часть вторая	31
Рубеж мировой истории	31
Россия страшется	32
Предпосылки конфликта	34
Канун	36
Стратегия	39
Степень подготовленности	40
Перспективное планирование	41
Реализация планов	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Уткин

Русские войны XX века

*Анне Петровне Уткиной,
достойно прожившей этот жестокий век,
преодолевшей три страшных голода 1921, 1933, 1944 гг.,
две мировые войны и одну гражданскую, три революции,
коллективизацию и индустриализацию,
правителей от Николая II до Ельцина, верующей
и не потерявшей веры в нас, судьбу и Россию —
посвящается эта книга внука.
Москва, 2008*

© Уткин А.И., правообладатели, 2022

Введение

Почти три столетия Россия заполняла колоссальный вакуум, образовавшийся в результате краха Монгольской империи. Первые русские – казаки Ермака – пересекли границу Европы и Азии в самом конце царствования царя Ивана Грозного. Перед ними лежала необозримая Сибирь, а за ней Дальний Восток и Великий океан. Движение на Восток было безудержным, оно было блистательно продолжено Дежневым и всеми теми, кто вышел к Тихому океану столетием с небольшим позже испанцев, увидевших этот океан в самом начале XVI века.

Русские неукротимо шли вперед, пересекли Берингов пролив, вышли в современную Канаду, освоили нынешние Орегон, Вашингтон и замедлили свой бег только в Северной Калифорнии. Расположенный чуть к северу от Сан-Франциско форт Росс – вот крайняя точка продвижения русских по периметру Великого океана.

То был северный поток русского заселения. Южный же остановился на границах Китайской империи. Китай, по выражению Наполеона, «спал». Китайцы не хотели заселять холодные северные земли. Их заселили русские.

Петр Великий обеспечил выход России к Балтийскому морю, Екатерина Великая пришла на берега Черного моря, при Александре Втором Россия начала обустривать свои земли по берегам Тихого океана. Это в значительной мере меняло геополитическое положение России в мире. Теперь Россия была полнокровным соседом двух величайших азиатских стран – Китая и Индии, теперь русские участвовали в эволюции огромного Тихоокеанского бассейна.

Начинается четвертьвековой подъем русской промышленности, темпы экономического роста России в тот период действительно впечатляют. После своего рода паузы между правлениями Павла I и Александра II технический гений восточных славян, обогащенный немецким, французским, бельгийским опытом, начинает проявлять себя: сеть железных дорог, самый крупный в мире нефтяной комплекс вокруг Баку, угледобывающий гигант Донбасс и др.

* * *

Географические размеры России, численность ее населения, постоянно увеличивающийся экономический потенциал и военная мощь гарантировали ей место великой мировой державы. Уже на Берлинском конгрессе (в 1878 г.) понадобилось объединиться практически всему миру, чтобы ограничить растущее влияние рвавшегося вперед гиганта.

В 1900 г. Россия была как никогда близка к Западу, но в то же время далека от западных стандартов жизни. Если доля Европы в мировом промышленном производстве за полтора века увеличилась с одной трети до двух третей, то доля России возросла с 5 % до менее 9 % общемирового объема.

В 1897 году Россия впервые узнала о себе многие объективные факты – проведена была первая перепись населения. Население России составило 129,4 млн. человек – столько же, сколько в Германии, Англии и Франции, вместе взятых. В России оказались два города с более чем миллионным населением – Санкт-Петербург и Москва. Выросли индустриальные города, о которых ранее никто не слышал – Екатеринослав, Иваново, Царицын, Баку. Неудивителен сделанный на Западе вывод о потенциале России: «Ее известные природные ресурсы невозможно измерить. Они больше по совокупному объему и по разнообразию, чем разведанные природные ресурсы любой другой нации. Уже разведанных ресурсов достаточно, чтобы прийти к выводу, что это огромный резервуар, ожидающий труда и предприимчивости».

Доля мирового промышленного производства в % за 1750–1900 гг.

	1750	1800	1860	1900
Вся Европа	23,2	28,1	53,2	62,0
Англия	1,9	4,3	19,9	18,5
Австро-Венгрия	2,9	3,2	4,2	4,7
Франция	4,0	4,2	7,9	6,8
Германия	2,9	3,5	4,9	13,2
Италия	2,4	2,5	2,5	2,5
Россия	5,0	5,6	7,0	8,8
США	0,1	0,8	7,2	23,6
Япония	3,8	3,5	2,6	2,4
Третий мир	73,0	67,7	36,6	11,0
Китай	32,8	33,3	19,7	6,2
Индия	4,5	19,7	8,6	1,7

Источник: Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1988, p.190.

* * *

Встает вопрос: чьих «труда и предприимчивости» ожидала Россия? По мнению Запада, именно он и должен был взять под свой контроль этот «огромный резервуар». Отсюда беспрерывные попытки подчинить себе Россию, отсюда непрекращающееся давление на нее, отсюда военные походы на русские земли.

Вся первая половина двадцатого века была для России фактическим военным противостоянием с Центральной или(и) Западной Европой. Тяжелое время, горькая судьба народа. Почти треть населения России погибла, потеряла места своего проживания...

В наше время, в эпоху колоссального мирового неравенства, выделения стран, готовых диктовать свою волю и не исключаящих для себя упреждающих ударов, разгула терроризма, разъединения прежней великой страны, – опыт XX века ясно свидетельствует о преступности самоуспокоения.

Если нам суждено пройти через испытания, схожие с пережитыми в XX веке, то история войн России в двадцатом столетии лишь увеличивает свою актуальность.

Часть первая ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Подъем России

Великий индустриальный подъем России в 1892–1914 гг. оказал воздействие на национальное мировоззрение. Пожалуй, более всех формированию нового геополитического самосознания на рубеже XIX и XX вв. способствовали философ Вл. Соловьев, географ И. Мечников и поэт В. Брюсов. Они разрушили представление о необратимой предопределенности развития огромного мира путем вестернизации и показали, что Запад, Европа, Россия в будущем могут столкнуться с тем, чего не было уже четыреста лет, – с жестким, упорным и имеющим шанс на успех сопротивлением Азии.

Впереди безграничные азиатские горизонты. Ради гарантированного подхода к ним Россия строит Великую транссибирскую магистраль, величайшую железную дорогу мира, подлинное чудо света. Великая железная дорога решающим образом приближала Дальний Восток к центру России. Чтобы освятить начало строительства Великой Транссибирской магистрали, которая станет осью всей страны – от Балтики до Японского моря, наследник русского престола Николай вбил в 1891 г. первый клин в полотно Транссибирской железной дороги, начинающейся во Владивостоке, в нескольких метрах от Японского моря. (Пользуясь А. П. Чехов Транссибом, он в своем путешествии к Сахалину прибыл бы к Тихому океану не за три месяца, как это было в 1890 г., а за одну неделю.)

Далее Россия ввела войска в Северный Китай, построила железную дорогу в Маньчжурии (КВЖД) и создала великолепный морской порт Порт-Артур, где по указу царя разместился наместник Дальнего Востока адмирал Алексеев.

Однако группа российских политиков во главе с министром финансов С.Ю. Витте выступила против авантюр на Дальнем Востоке летом 1903 г. Он считал, что даже отступление перед японским напором выгоднее России, чем риск безумной растраты небогатых российских ресурсов. В интересах России не следует пытаться играть лидирующую мировую роль, гораздо целесообразнее отойти во второй ряд мировых держав, организовывая тем временем страну, восстанавливая внутренний мир. «Нам нужно от 20 до 25 лет для решения собственных внутренних дел, сохраняя спокойствие во внешних делах». Россия начинала создавать свой центр экономического влияния там, где конкуренция с Западом отсутствовала, – в Северном Китае, Афганистане, Северном Иране, Корее. Такие образования, как Русско-Китайский банк, служили твердой основой русского влияния. Нужны были годы труда, обучения, восприятия опыта, рационального использования природных ресурсов, чтобы поставить Россию в первый ряд гигантов мира. В начале века, накануне крестного пути России, Витте доказывал царю Николаю: «В настоящее время политическая мощь Великих Держав, призванных выполнить исторические задачи, создается не только духовною силой их народов, но их экономической организацией... Россия, возможно, более других стран нуждается в надлежащем экономическом основании ее национального политического и культурного здания... Наше недостаточное экономическое развитие может вести к политической и культурной отсталости».

Уже Ф.М. Достоевский ощутил этот тектонических пропорций сдвиг: «С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил... В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были

татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда».

Строителям тихоокеанского форпоста было ясно: в то время как в Европе Россия выглядела отсталой страной (импортером капитала, призывающим западных капиталистов и менеджеров), в Азии она смотрелась как передовая европейская держава, несущая прогресс во всех сферах материальной и духовной жизни. Если для немца и даже поляка Россия была очевидным не-Западом, то для перса, монгола и китайца она была очевидным Западом. И русские генералы сами поверили в свою западную элитарность, способность к скоростной рекогносцировке, реалистическому планированию, быстрой мобилизации сил.

Противодействие Японии и «помощь» Германии

Японский посол в Пекине Комура Ютаро ясно видел свою цель: изгнать русских из Китая, не позволить им закрепиться в Китайской империи. В этом направлении он прилагал все мыслимые усилия в беседах с китайскими переговорщиками – принцем Чин и Ли Хунчаном. Он настойчиво пытался заставить китайскую сторону потребовать от Петербурга вывода войск из Маньчжурии. Одновременно японский посол в Петербурге требовал объяснения смысла деятельности русских войск в Маньчжурии. Ему отвечал министр иностранных дел Ламздорф: «Маньчжурский вопрос касается только России и Китая. Я не обязан отвечать на вопросы японского правительства. Могу лишь сказать, что Россия, в соответствии с ее неоднократными уверениями, возвратит управление Маньчжурией китайским властям и выведет свои вооруженные силы из этого региона».

Действия царского правительства в Маньчжурии и в Корее укрепили японскую элиту в необходимости войны. Договор с Великобританией как бы санкционировал этот курс. Теперь Япония могла не бояться европейской солидарности и международной изоляции. Вся мощь британской империи стояла теперь на стороне Токио.

Петербург на первом этапе демонстрировал дружелюбие. Территория к юго-западу от Мукдена и Кирина была возвращена Китаю. Но на *второй* фазе процесс вывода российских войск замедлился. Петербург опасался, что, выводя свои войска, он создает вакуум, который может быть заполнен недружелюбными державами.

В то же время Германия, ее элита, не хотели ослаблять решимость России по-своему решить дальневосточный вопрос – тогда она сместит центр своего внимания с Дальнего Востока на европейский театр. «Возвращение» России в Европу было бы худшим поворотом дел для Германии – новая опасность «штальринга», стального кольца окружения. И хотя кайзер Вильгельм не был готов встать *единым* с Россией фронтом, он всячески поддерживал решимость царя Николая Второго обрести величие на Тихом океане. Именно в эти месяцы германский кайзер называет российского самодержца «адмиралом Тихого океана», в то время как себя – «адмиралом Атлантического океана». 2 сентября 1902 г. Вильгельм предложил Николаю «смотреть на германский и российский флоты как на одно единое целое, принадлежащее одному великому континенту, чьи интересы диктуют оборону побережий на далеких берегах... Практически это означает хранить мир во всем мире».

Кайзера Вильгельма несомненно обеспокоило то обстоятельство, что японский военный атташе в Пекине взялся за дело реорганизации китайской армии. «Они готовят их к тому, чтобы изгнать из страны всех иностранцев... От двадцати до тридцати миллионов подготовленных китайцев, поддержанных полудюжиной японских дивизий и ведомых бесстрашными и ненавидящими христиан японскими офицерами, – вот будущее, в которое трудно смотреть бесстрашно; и это возможное будущее. Фактически, реальностью становится Желтая Опасность, о которой я говорил много лет назад и по поводу которой многие только смеялись».

В определенном смысле именно кайзер Вильгельм затащил царя Николая в болото восточноазиатской политики. С.Ю. Витте: «С захватом Киао-Чао Вильгельм дал первотолчок нашей политике здесь. Германские дипломаты и кайзер сделали все возможное, чтобы затащить нас в восточноазиатские авантюры... Вильгельм является подлинным автором войны». С настойчивостью и постоянством кайзер убеждал царя Николая Второго, что миссией России является культивировать Азиатский континент и защитить Европу от нашествия желтой расы.

Предпосылки войны с Японией

Не было еще за последние четыреста лет случая, чтобы посланцы Европы отступили перед иными цивилизациями. Население Японии было в три раза меньше населения Российской империи. В индустриальном отношении Россия никак не уступала тихоокеанскому новичку мира промышленности и науки.

Но Россия имела важные обязательства в Европе, она не могла вывести все свои силы на бой с дальневосточным противником. Только 6 из 25 европейских корпусов приняли активное участие в разразившейся войне. Основу военной силы на Дальнем Востоке составляли 8 бригад восточносибирских стрелков, шесть батальонов пехоты резерва, две недоукомплектованные бригады, прибывшие из европейской части страны в 1903 г., один полк кавалерии, пять с половиной полков казаков. Эти части были боеспособными, но никто в самой России не рискнул бы назвать их принадлежащими к воинской элите. Уже по ходу войны на театр военных действий были переведены из Европы Первый, Четвертый, Восьмой, Десятый, Шестнадцатый и Семнадцатый армейские корпуса (в каждом по две дивизии; общая численность корпуса – 28 тыс. солдат и офицеров плюс 112 орудий). Перевод одного корпуса из одной части света в другую занимал примерно 40 дней. В основном русские войска на Дальнем Востоке являли собой вчерашних крестьян из восточной части страны. Они были упорными, смелыми, привычными к трудной жизни, лояльными царю и отечеству. Однако им в то же время безусловно не хватало образования и воинского искусства. У английских наблюдателей были основания полагать, что стрельба русских была «худшей в Европе». И не только из-за отсутствия упражнений. Русские солдаты обязаны были стрелять *по приближившемуся противнику и только вместе и по команде*.

К этим проблемам добавлялся низкий профессиональный уровень офицерства. Англичанин Стори не без основания пишет: «Когда война началась, Верховное командование находилось в руках уходящего в прошлое поколения. Многие из них были абсолютно невежественны в отношении использования таких инструментов ведения современной войны, как беспроволочный телеграф, гелиография, подача световых сигналов. Я знал генералов, которые отказывались создавать гелиографический аппарат, называя его просто игрушкой».

Интеллектуальной элитой русской армии считались офицеры Генерального штаба, но многие проблемы Востока им были не понятны, многие их суждения не отличались глубиной. Так одно из их базовых умозаключений сводилось к тому, что один русский солдат по боевым качествам «равен» трем японским. В Генеральном штабе никто не говорил по-японски. Да и во всей русской армии в 1904 г. было всего одиннадцать переводчиков с японского; только двое могли *читать* по-японски.

* * *

Впрочем, у русских был один сильный союзник – время. Оно работало на российскую сторону. В Токио полагали, что со временем русские усилят 8 восточносибирских бригад и превратят их в 8 полнокровных дивизий, каждая из которых будет состоять из 12 батальонов. Глядя из исторического далека, следует сказать, что в этих калькуляциях японцы были правы; примерно такими и были планы высшего военного командования России.

Именно поэтому японская разведка чрезвычайно точно фиксировала создание каждого нового русского батальона, воспринимая это военное усиление России на востоке буквально как прямую угрозу существованию Японии. В те самые дни и месяцы, когда Петербург легкомысленно интересовался парижскими новинками, выехавшими на дороги автомобилями, сообщениями о первых летательных аппаратах, Япония уже не могла думать ни о чем другом,

кроме как о страшной, смертельной угрозе с севера и противостоянии этой угрозе. Военный дух овладевал страной, все выше поднималась волна антироссийской истерии. Внутренний климат в Японии формировался милитаризмом, базировавшимся на той идее, что с севера над Японским архипелагом нарастает неумолимая гроза. В средствах массовой информации (в таких популярных газетах, как, скажем, «Асахи») ведущие интеллектуалы своим авторитетом поддерживали партию войны.

Во главе организации, следящей и оценивающей военный, экономический, духовный потенциал Российской империи, стоял тридцатишестилетний военный атташе в Петербурге полковник Акаси Мотохиро. Он имел разветвленную разведывательную сеть, внимательно следящую за всеми основными аспектами жизнедеятельности российской государственной машины и российского общества. Особенно внимательно японская разведка присматривалась к региону восточнее озера Байкал. Японские карты этих мест просто превосходны. Можно смело признать, что к началу войны японцы знали о России гораздо больше, чем русские об экзотической для них Японии.

В фокусе внимания японской разведки были военные усилия России. К примеру, в Токио незамедлительно узнали о перемещениях русских войск на Дальний Восток. Люди Акаси Мотохиро (даже к своему удивлению) сумели проникнуть в российское военное министерство. Однажды, когда полковник Акаси беседовал со своим агентом – офицером русского Генерального штаба (они рассматривали карту Сибири), – к Акаси неожиданно явился русский генерал и атташе пришлось запихивать офицера вместе с картой в туалет. Но генерал оказался невнимательным и вскоре покинул дипломата-разведчика. Предатель же без особого смущения вышел из туалета и продолжил передачу своей бесценной информации.

К середине января 1904 г. японские агенты (среди них было немало женщин) разместились в ключевых местах Маньчжурии. Японская разведка в начале 1904 г. донесла о военных приготовлениях русских близ реки Ялу и в европейской части России. Русские войска в Сибири были мобилизованы, 10-й и 17-й армейские корпуса (включающие 4 пехотных дивизии и 4 артиллерийские бригады) были подняты по тревоге и направились на Дальний Восток. И в Западной Сибири воинские подразделения начали смещение к востоку.

* * *

На балу в Зимнем дворце японский посол Курино встретил бывшего министра финансов Витте и попросил его о помощи в дипломатическом разрешении потенциального конфликта. «Япония на краю своего терпения, и если ответа не поступит и сейчас, то разразятся враждебные действия». Витте передал слова Курино Ламздорфу, но ответ министра вселил мало надежд: «Я ничего не могу поделать. Я фактически не принимаю участия в переговорах».

К 4 февраля 1904 г. российского ответа не последовало, и Токио принял роковое решение. Пораженному Ламздорфу посол Курино заявил, что покидает русскую столицу. Курино объяснил министру, что его правительство считает *«необходимым защищать свои права»*.

В Токио генерал Ойяма произвел обзор сложившихся обстоятельств. Он пришел к заключению, что промедление невозможно – оно будет в пользу России. Ее мощь, полагали японцы, будет расти с каждым годом по мере использования Транссиба, по мере освоения Дальнего Востока. *Следовало решаться*. В полуофициальном «Суждении о ситуации», представленном трону, Ойяма *впервые говорит, что чем быстрее состоится нападение на Россию, тем лучше для Японии*.

В Токио 3, 4 и 5 февраля 1904 г. состоялись три чрезвычайно важных совещания. На последнем присутствовал японский император. До этого, на рассвете 4 февраля император вызвал к себе во дворец своего старого фаворита Ито. Император был в спальных одеждах, знак доверия. Ему было важно знать, что к настоящему моменту Ито отошел от позиции несо-

гласия со сторонниками войны. Днем пажи принесли исключительной важности документы последнего заседания кабинета министров, старейших политических деятелей (генре) и Генерального штаба. Базируясь на всех этих мнениях, император японцев дал свое «высочайшее одобрение» принятым этими органами решений в пользу войны с Россией.

Удар

Рано утром 6 февраля 1904 г. в военно-морском порту Сасебо специальные катера свезли адмиралов Объединенного японского флота на флагманский корабль – построенный в Британии «Микаса» (водоизмещением 15 тыс. тонн). В штабной каюте их встречал вице-адмирал Того Хейхачиро, главнокомандующий Объединенным флотом. Вчера он получил императорский приказ, ни много ни мало, как «уничтожить русский флот». В час ночи этот приказ был прочитан японским морским офицерам. У Того был молчаливый и торжественный вид, перед ним стоял накрытый белой скатертью стол, на котором вокруг сабли и кортика главнокомандующего было разлито в бокалах шампанское. Позади адмирала, прикрытый пурпурной занавесью, висел фотопортрет императора Мэйдзи. Рядом с Того стояли командор Акийяма Масаяюки и вице-адмирал Камимура Хиконойо, командующий Вторым флотом. Сорок адмиралов и капитанов стояли по десять в четыре тесных ряда.

Того говорил низким голосом: «Сегодня из военно-морского Генерального штаба получено сообщение о разрыве отношений с Россией, и что наша нация ныне вольна выбирать свой собственный способ действий. Теперь командование в ваших руках, господа».

Военная элита Японии ждала этого часа десять лет, но теперь очевидное волнение сказалось на поведении всех. Один из японских офицеров вспоминает: «Я ощутил в этот момент нечто вроде удара, по моим щекам текли слезы. Меня охватило чувство, что я принадлежу к великой Японской империи, существующей две с половиной тысячи лет... Я всегда недоумевал, почему мы не начали эту войну раньше».

* * *

Первыми подверглись нападению 8 февраля (26 января по старому стилю, принятому тогда в России) 1904 г. русские корабли «Варяг» и «Кореец» в бухте Чемульпо. Подвиг русских моряков с этих кораблей широко известен, но примечательно, что российское командование узнало о нем с опозданием. Японцы сумели обрезать кабель, соединяющий Порт-Артур с Чемульпо еще утром 7 февраля 1904 г., и в Порт-Артуре никто не знал о происходящем в Чемульпо. Адмирал Оскар Викторович Старк, командующий крепостью Порт-Артур, долгие годы хранил написанный привычным зеленым карандашом приказ наместника Дальнего Востока адмирала Алексеева, запрещающий ставить флот в защитную позицию. Алексеев несколько раз отказывал ему в мерах по укреплению флота – «чтобы не провоцировать японцев». Поэтому термины «измена» и «преступная халатность» должны быть адресованы главному царскому сановнику в крае.

В 2 часа ночи 9 февраля 1904 г. японские катера и миноносцы произвели торпедную атаку на русские корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура. Каждый японский корабль выпускал две торпеды, после чего поворачивал назад, на юг. Этой атакой русские были захвачены врасплох. Крейсер «Паллада» получил особые повреждения – огромная пробоина, на крейсере начался пожар. Японские торпеды пошли на красу и гордость русского флота – самый лучший русский корабль «Цесаревич» и нанесли ему тяжелый урон. Степень неожиданности была такова, что команды кораблей не могли понять, что происходит. Ждали приказов, а их не было. Адмирал Старк доложил наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Алексееву о происшедшем в Порт-Артуре. Характерна его первая реакция – он отказался верить в то, что японцы осмелились напасть на русский флот в Порт-Артуре: «Это невероятно!»

Основные японские силы подходили к Порт-Артуру тремя группами. Первую возглавлял флагман флота «Микаса» и пять других эскадренных броненосцев – «Асахи», «Фудзи», «Яшима», «Сикисима», «Хатсусе». Во второй группе было пять тяжелых крейсеров, в тре-

тёй – четыре крейсера. Как только русские корабли оказывались в пределах артиллерийской стрельбы, японцы начинали бить из своих орудий, сначала эскадренные броненосцы, а потом крейсера. Русские корабли, хотя и находились под прикрытием артиллерии фортов, маневрировали, чтобы не представлять из себя живой мишени. Русские капитаны достаточно хорошо знали, что «Микаса» может поражать своими 12-дюймовыми орудиями цель на расстоянии более 8 тыс. метров.

Ответным огнем прибрежных батарей и кораблей флота был поврежден верхний мостик «Микасы». Очевидны были попадания в броненосцы «Фудзи» и «Хатсусе». Среди русских кораблей только крейсер «Новик» рискнул пойти на перехват японцев. Запущенные с него торпеды вполне очевидно поразили один из японских кораблей. (Доблестный «Новик» был построен в Германии, и, получив его, команда на свои деньги приобрела музыкальные инструменты и даже наняла дирижера, который во время боя откладывал дирижерскую палочку и старательно заряжал орудие.)

Пушки фортов имели очень маленький радиус действия, а количество снарядов было *ограниченным*. Некоторые пушки продолжали палить *холостыми* патронами, другие замолкали на виду у всех. Как могла Россия претендовать на преобладание в регионе, если она не вооружила единственную свою крепость здесь?

Россия

Через два дня после нападения на Порт-Артур, 10 февраля 1904 г., Япония официально объявила войну Российской империи. Петербург объявил состояние войны только после 8-дневной паузы. Россия назвала нападение на Порт-Артур «нарушением всех обычных законов, призванных разрешать проблемы, возникающие между цивилизованными нациями. Не сделав предварительного предупреждения об обрыве отношений... означающих начало военных действий, японское правительство приказало своим торпедным катерам нанести внезапный удар по нашей эскадре, стоявшей на внешнем рейде крепости Порт-Артур. После получения доклада нашего наместника по данному вопросу, мы сразу же приказали ответить на вызов Японии силой оружия».

Первые же недели войны убедили Петербург, что «маленькой и победоносной» войны не будет. О том, что царь осознал серьезность положения, говорят назначения, сделанные в феврале 1904 г. Военный министр Куропаткин теперь обязан был вспомнить свою скобелевскую молодость. Его назначили непосредственно руководить боевыми действиями как главнокомандующего русскими войсками в Маньчжурии.

Смена руководства произошла и на флоте. 8 марта в Порт-Артур прибыл популярный на флоте вице-адмирал Макаров (он сменил адмирала Старка). Что бы ни было потом, но на данном этапе новые назначения определенно вселили уверенность в души и сердца российских воинов. На Дальний Восток прибыли два лучших офицера, которых имела Россия в начале XX века.

...В ночь на 13 апреля 1904 г. Макаров находился на крейсере «Диана». Его беспокоила судьба миноносцев, посланных в Дальний. В тумане он видел проходящие мимо устья гавани корабли. Капитан «Дианы» попросил разрешения открыть огонь... А что, если это возвращающиеся русские миноносцы?.. Но то были японские корабли, расставляющие у входа в бухту мины. Именно тогда, 12 апреля, началась очередная попытка японцев «запечатать» Порт-Артур. Теперь они полагались в основном на мины.

Макаров, видя в бурном море основные силы японцев, все же решил вывести свои корабли на бой. Его флагманом стал красавец «Петропавловск», а самым крупным, вышедшим навстречу японцам кораблем был эскадренный броненосец «Полтава».

Европейские газеты потом писали, что «впервые желтый и белый адмиралы готовы были встретиться лицом к лицу». Имена Макарова и Того были хорошо известны военным морякам всего мира. Макаров, наверное, был более известен – даже адмирал Того читал переведенную на японский язык его книгу о военно-морской тактике. Теперь Макаров стоял на главном мостике «Петропавловска» в своем «счастливом» старом костюме с меховым воротником. Его флот в 5 линкоров, 4 крейсера и 9 эсминцев отошел от гавани уже на 15 миль. Того шел ему навстречу на «Микасе», за которым следовали еще 5 эскадренных броненосцев, 6 крейсеров 1-го класса.

Пока оба флота молчали. Это был великий момент русской истории. До сей поры она развивалась по восходящей...

Общей встрече предшествовал трагический частный эпизод. Миноносец «Страшный» принял огни четырех японских миноносцев за огни русских кораблей и вышел прямо на противника. Русские вступили в бой и сражались отчаянно. Они нанесли значительный ущерб двум японским миноносцам, но большинство команды миноносца «Страшного» погибло от артиллерийского огня японцев, а сам корабль загорелся от форштевня до кормы. Вскоре он опустился на морское дно.

Прибывший на сцену битвы первым крейсер «Баян» увидел трагедию «Страшного». За «Баяном» спешили «Аскольд», «Диана» и «Новик», японцы спешно ретировались. Огромные

линейные корабли шли медленнее. «Петропавловск» и «Полтава» еще только вышли из бухты; Макаров приказал очистить выход от японских мин, но этот приказ не был выполнен в той атмосфере ожидания встречи с японским флотом.

Передовые корабли японской эскадры под командованием адмирала Дева открыли огонь, и Макаров приказал отойти под «крышу» спасительной береговой артиллерии. Он увидел сквозь редящий туман основные корабли Того. На мостике флагмана стоял великий русский живописец Василий Верещагин, великий князь Кирилл и вчера прибывший капитан шанхайского «Манжура» Краун. В шести милях от береговой линии начиналась зона эффективного обстрела береговой артиллерией, пристрелявшейся за эти дни.

В этот момент почти торжественного ожидания, в 9. 43 утра раздался страшный взрыв. Семенов: «Я увидел огромное облако коричневого дыма... в этом облаке я увидел мачту корабля. Она накренилась. Она кренилась, беспомощная не так, как если бы падала, а как если бы воспарила в воздухе. Слева от облака я увидел корму корабля. Она выглядела, как обычно, как если бы ужасное происшествие ее не касалось. Третий взрыв! Белый дым теперь начал смешиваться с коричневым дымом. Взорвалась паровая машина! Внезапно корма линейного корабля поднялась прямо в небо. Это случилось так быстро, что не выглядело так, как *тонущий* корабль, но как если бы корабль развалился на две части...»

Великий князь Кирилл вспоминает, что после взрыва он обернулся к Макарову. Тело еще стояло вертикально, но на нем не было головы. Больше тела адмирала никто не видел. Эскадренный броненосец «Петропавловск» утонул в течение двух минут. На пути домой через полчаса – в 10.15 раздался взрыв под линкором «Победа». На борту «Пересвета» контр-адмирал князь Павел Петрович Ухтомский выбросил сигнал: «Следуйте за мной один за другим». Прошел слух, что действуют японские подводные лодки. (Ошибочное мнение. Японские подлодки стояли еще недостроенными в Квинси, около американского Бостона). Была расстреляна каждая консервная банка, плавающая на воде.

На берегу зря ждали макаровский флаг. Он ушел под воду, как и 635 офицеров и матросов «Петропавловска». Командир «Дианы» обернулся к своему экипажу: «Не стойте как мокрые крысы. Эскадренный броненосец утонул и эскадра ослаблена. Но мы получим подкрепления. Придет новая эскадра». В ответ прозвучало, что погиб не корабль, а погиб *он*. Человек самостоятельной мысли и того характера, который требуется стране в тяжелые времена.

Люди на пирсе Порт-Артура стояли на коленях. Случилось ужасное. Судьба начала отворачиваться от страны, проделавшей такой долгий путь к Тихому океану. Туман обреченности с этого времени начинает обволакивать Россию. Прежняя эйфория молодого гиганта никогда уже более не возвратится.

Строго говоря, российский флот и с броненосцем «Петропавловск» уступал японскому – более современному, обученному, тренированному. Море на Дальнем Востоке уже *не принадлежало* России. Но земные просторы... Не было нации, так широко распростершейся на земной тверди, как Россия. Эти пространства завораживали даже офицеров императорской японской армии.

На мобилизацию этого гиганта надеялись все, от Владивостока до Варшавы.

Подрывная работа

Слабой пятой Российской империи был национализм окраин. Это была едва ли не главная проблема Российской империи. Националистическая буржуазия находила путь к жертвенной крестьянской массе. Отсталость этих углов страны только укрепляла боевой дух крестьянских сыновей. Локальная культура, основанная на стародавней традиции, на заветном слове, на подвигах (подлинных и придуманных) героев седой, старины имела большую кинетическую силу. Интеллигенция подчеркивала «чужой дух» правящей силы (хотя собственного государства прибалты, например, никогда не имели). А когда англичане спрашивали, например, украинского крестьянина, кто он такой по национальности, то в ответ слышалось, что он «православный», и лишь когда англичанин был очень настойчив, то в ответ слышалось: «Я русский». Основой украинского националистического движения в деревенской области было создание «кооперативного движения, защищающего простого украинского крестьянина от еврейских торговцев»).

Японцы с началом войны еще более настойчиво начали проводить диверсионную работу против России. Военный атташе в Петербурге – Акаси Мотохиро покинул свой пост в Петербурге с началом войны (Акаси скрупулезно выплатил в последний раз по 500 иен своим агентам в России и уехал на вокзал, на поезд, отправляющийся в Вену. Здесь он возглавил всю европейскую разведку Японии). Все, что ослабляло Россию, чрезвычайно интересовало Акаси. Особенное его внимание привлекали сепаратисты и революционеры.

Одним из наиболее ценимых Акаси агентов был борец за независимость Финляндии Конни Зиллиакус, проживавший в Стокгольме после того как парламент Финляндии в 1903 г. не поддержал его предложения о восстании против России. Другим очень ценным агентом был капитан шведского Генерального штаба Азинов, через которого Акаси сообщался со своими агентами в России.

Очень важными помощниками японского резидента в Европе были мятежные поляки. В феврале 1904 г. польская социалистическая партия заявила, что война России с Японией ослабит Россию, и Польша сможет этим воспользоваться. Член центрального комитета Польской социалистической партии доктор Витольд Наркевич Йодко установил контакт с японским послом в Вене графом Макино. Затем он приехал в Лондон, чтобы предложить японскому послу Хайяси услуги польских добровольцев, равно как и предложение воздействовать на солдат польского происхождения в Маньчжурии, склоняя их к дезертирству на японскую сторону. Японский Генеральный штаб одобрил идею мобилизации польских волонтеров.

Хайяси рассматривал и вопросы саботажа на внутренних коммуникационных линиях России. Йодко говорил о саботаже на железных дорогах. Англичанин, родившийся в Польше, – Джеймс Дуглас был послан представлять Польскую социалистическую партию в Токио под видом английского корреспондента. Дуглас прибыл в японскую столицу 7 июня 1904 г., туда же явились возглавляющие польскую социалистическую партию Роман Дмовский, Юзеф Пилсудский, Титус Филиппович (будущие – с 1918 г. – политические вожди восстановленной Польши: Пилсудский – президент, Дмовский – премьер-министр, Филиппович – посол Польши в США). Пилсудского, требовавшего от японцев оружия, поддерживал Хайяси, самым лестным образом характеризуя его из Лондона. В любом случае, писал Хайяси, «опасения в отношении возросшей активности (мятежных поляков. – А.У.) и их возможного восстания по необходимости отвлекут внимание русских и ограничат их свободу действий».

Куропаткин

Куропаткин прибыл в Ляоян 28 марта 1904 г. и устроил свой штаб в железнодорожном вагоне. Все его опасения относительно сложностей организации в далеком краю увеличились реальностью *многократно*. Куропаткин «сосчитал» свои силы. 68 батальонов пехоты, 120 орудий, 12 артиллерийских установок на лошадиной тяге, 16 горных орудий, 35 эскадронов казаков. Войска не имели необходимой подготовки, стратегическая мысль уступила место эмоциям, расстояние и общее бездорожье лишали энергии самых твердых из русских воинов. Что оставалось делать Куропаткину? Он, человек с немалым военным опытом и очевидным здравым смыслом, видел единственно верный курс *в отступлении*.

Японцы высадились на континенте и подошли к реке Ялу. В самом широком месте долина имела около километра шириной. Отступающие русские части забили ее орудиями и повозками, все смешалось. Одного пулемета теперь было достаточно, чтобы уничтожить все это месиво солдат и орудий. Когда 4-я рота японских гвардейцев с криком «Банзай!» ринулась на удивительное смешение русских частей, в воздух взвился белый флаг. Русские сдались.

Была половина шестого вечера 1 мая 1904 г. *Произошло нечто*. Армия восточной страны впервые за несколько столетий по всем статьям обыграла европейскую армию. Значение этой победы для японцев гораздо превосходит ее физические результаты. Боевой дух японской армии необыкновенно вырос и оставался на высоте на протяжении всей маньчжурской кампании.

Печальная картина униженной России... Дата 1 мая стала трагической. Погибло 2700 русских солдат и офицеров и 1036 японских солдат (из общего числа 42 тысячи). Но дело было не в масштабах потерь. *Япония с этого дня стала великой военной державой. Японский архипелаг стал одним из центров мира*. Заем, в котором отказывали японцам еще в январе 1904 г., теперь обещали им Лондон и Нью-Йорк. Корея только что была «кинжалом», направленным в сердце Японии, а теперь она была японским «коридором» в Евразию (и будет таковой в течение следующих 40 лет).

То было начало многих начал. То была битва, после которой Россию стала преследовать буквально бесконечная череда несчастий. Лондонская «Таймс» справедливо писала, что «эхо этой битвы отзовется далеко, на огромные пространства, и расы непрощающего Востока будут вспоминать ее в своих легендах».

Оборона Порт-Артура

Японцы в это время приходят к выводу, что они, планируя военные действия, недооценили значимость Порт-Артура. Частью проблемы был русский флот. Адмирал Того не имел пока возможности заверить японскую армию, что высадка на Ляодунском полуострове гарантирована от неожиданных ударов, что русские корабли ей не помешают. Он решил еще раз попытаться «запечатать» гавань Порт-Артура.

В Порт-Артуре все здоровые взрослые – мужчины и женщины – участвовали в оборонительной работе. Боевые орудия с кораблей были сняты для обороны города и крепости. Ветер с моря нес сырость и уныние, сокращая и без того небольшое число оптимистов в кромешном аду.

Ежедневный рацион крепости: полфунта бисквитов или печенья, четверть фунта лошадиного мяса и четвертинка водки. Боеприпасов было на два штурма.

В довершение всех бед, на русской стороне случилось еще одно несчастье. 16 декабря 1904 г. генерал Кондратенко в подвале Чикуана вручал награды офицерскому составу. Вокруг был бетон, вовне со страшным воем проносились огромные японские снаряды Утомленный Кондратенко после церемонии сел за стол, и в этот момент сам генерал и его шестеро офицеров стали мишенью прямого попадания японского снаряда, они погибли сразу. Невосполнимая потеря для обороны крепости, для ее защитников...

Ранним вечером 2 января 1905 г. условия капитуляции были подписаны и 878 русских офицеров, 23 491 человек рядового состава и 8956 моряков сложили свое оружие, согласившись либо отказаться от дальнейшего участия в конфликте, либо проследовать в плен. В госпиталях оставались 15 тыс. раненых.

Ляоян, Шахэ, Мукден

За шесть месяцев войны Куропаткин сильно изменился – поражения сделали его старым, посеревшим, безразлично смотрящим вперед, не замечающим приветствий. И это был прежний военный министр великой страны!

Высшее военное руководство России наконец-то начало по достоинству оценивать своего дальневосточного противника. В докладе царю от 4 августа 1904 г. Куропаткин указывает на следующие преимущества противника: 1) японская сторона еще обладает перевесом в численности войск; 2) японцы привычны к местной жаркой погоде и к местности, характерной невысокими холмами-сопками; 3) японские солдаты более молоды, они несут с собой гораздо меньший груз, у них хорошая горная артиллерия и подсобный транспорт; 4) японцами руководят энергичные и умные генералы; 5) у японских войск исключительный боевой и патриотический дух; 6) в русских войсках не ощущается характерного патриотического горения, что, по крайней мере частично, объясняется отсутствием в народных массах представления о мотивах и целях войны.

Последнее очень важно. Требуя от привычно-жертвенного народа новых серьезных усилий, власть не сумела объяснить своему народу, ради чего сражается Россия. Отсутствовал серьезный анализ положения страны, попытки мобилизовать ее силы отдавали любительством, а не серьезной жертвенной работой.

* * *

По приказу Куропаткина, опасавшегося окружения, русские отошли к Ляояну. На помощь 1-й и 2-й японским армиям, наступавшим на этот город, прибыла только что сформированная 4-я армия (26 тысяч человек) генерала Нодзу.

В Ляоянском сражении, длившемся 10 дней – с 24 августа по 3 сентября 1904 г., русские войска могли остановить противника, но Куропаткину снова показалось, что его окружают японцы, и к 3 сентября русская армия отошла к реке Шахэ.

В официальной русской императорской истории о Ляоянском сражении сказано: «Ляоянское сражение является крупным тактическим успехом японцев, которые, уступая нам количеством войск, выбили нашу армию из тщательно укрепленной позиции, с поля сражения, заранее нами избранного и подготовленного. Главную причину успеха японцев надо искать в действиях армии Куроки, в его непоколебимой настойчивости, с которой он выполнил поставленную ему задачу, не представляя себе даже возможности неудачи, переходя в наступление при каждом удобном случае. Мы же вели бои на Сыквантуне совершенно пассивно и обнаружили чрезмерную чувствительность к операциям японцев против наших флангов». Хорошо еще, что русские смогли организованно отступить.

На Шахэ силы русских пополнились. Русские войска увеличили свою численность до 214 тысяч человек и 758 орудий. К тому времени японские войска в Маньчжурии насчитывали 170 тысяч человек и 648 орудий.

Превосходство в силах позволило генералу Куропаткину дать приказ наступать, но встречный бой на реке Шахэ, длившийся с 5 октября по 17 октября, не принес никаких результатов, и обе стороны, понеся серьезные потери, перешли к позиционной войне на фронте протяженностью до 100 км.

Понимая, что после сдачи Порт-Артура японцы получают подкрепление, русские атаковали 25–28 января их позиции под Сандепу, но неудачно. Японцы, отразив атаки противника, сами 19 февраля перешли в контрнаступление, в котором их поддержала только что сформированная 5-я армия генерала Кавамура.

В завязавшемся тогда Мукденском сражении русская армия потерпела тяжелое поражение и отступила. Слыша гром японских гаубиц, один из английских офицеров пишет: «Мы слышали погребальную музыку. Колокола возвещали потерю Мукдена и утрату Россией своей империи в Маньчжурии... Возможно, они возвещали о смерти самой русской армии».

После поражения под Мукденом активные боевые действия на Маньчжурском фронте прекратились.

* * *

Отступления и поражения подорвали боевой дух русской армии. Ее слабость была в плохой обученности солдат, в бездарном планировании операций, в недостаточной компетентности российской командной системы.

Большого ждали и от традиционно разумных и стойких русских офицеров. В этой войне две тысячи их *сдались* японцам. Неслыханный позор.

Но все же Куропаткин некрасиво поступал, когда пытался свои просчеты перенести на других. 26 октября 1904 г. в меморандуме командирам он нарисовал картину, часть которой была реалистична, а часть – простым самооправданием.

«Хотя можно себе представить, что корпуса вынуждены были отступать под воздействием превосходящих сил, такой способ оправдан только после того, как все другие способы, включая личный пример командира, были испробованы для удержания позиций».

Цусима

Российский Балтийский флот был переименован во Вторую эскадру, и в горьком октябре 1904 г. готовился к далекому переходу на Дальний Восток. Главная проблема была в том, что у России на Дальнем Востоке не было незамерзающего порта. Резонно ли посылать последние военно-морские силы страны в регион, где русским кораблям негде будет не то, что отдохнуть, отремонтироваться, получить новый боезапас, но просто *скрыться*? Но оставалась надежда, что по прибытии на Дальний Восток флот немедленно изменит соотношение сил в пользу российской стороны и в решающей битве поразит морское могущество Японии.

Важно учесть, что русское командование верило в то, что Порт-Артур выдержит многомесячную осаду. Если же он падет, то Второй флот будет базироваться на Владивостоке. Германское руководство с немецкой практичностью поручило компании «Гамбург – Америка» создать 60 судов-заправщиков на пути от Либавы до Порт-Артура. Были четко обозначены пункты встречи заправщиков с медленно идущим русским флотом.

В конце августа 1904 г. флот был собран в Кронштадте. Можно было отправляться в невероятный, фантастический поход, но армия как раз приступила к наступательным операциям. Может быть, она справится самостоятельно? Но когда с Дальнего Востока пришли горькие вести, все бросилось ускорять отход.

Флот прошел Датские проливы, Северное море, обогнул Европу и Африку. Офицер Политовский: «Нас мучила жажда, жаркая и неприятная, и все пьют безостановочно. Я один выпил сегодня шесть бутылок лимонада. Но наше прибытие, наш поход, наш успех зависят от угля».

Флот сделал невозможное – прошел полсвета и, изможденный, вышел навстречу своей судьбе в Цусимском проливе. Запасы продовольствия быстро истощались, моральная обстановка оставляла желать лучшего. Участились случаи самоубийств и бегства матросов. Команда на «Орле» взломала винный запас.

* * *

В девять часов утра 27 мая 1905 г. на виду у южной оконечности острова Цусима русская эскадра несколько изменила свой курс. «В полдень направляться на норд-ост 23». Все знали, что это означает Владивосток. Иногда лучше не знать, какой поворот готовит жизнь... Через сорок пять минут Третья эскадра Катаоки – три крейсера и линейный корабль (старый китайский броненосец) «Чин Иен» обогнули южную оконечность острова Цусима.

Видя недвусмысленные действия кораблей противника, адмирал Рожественский начал перестраивать свои корабли в боевой порядок. Это отняло немало времени, потому что Третий отряд шел со скоростью всего девять узлов. «Дмитрию Донскому» и «Владимиру Мономаху» был отдан приказ прикрыть собой транспортные суда. Торпедные катера заняли атакующие позиции. В 10.20 четыре японских крейсера появились на западе, но без видимых агрессивных намерений. «Жемчуг» сделал несколько выстрелов по неожиданно появившемуся японскому пароходу, заставив его повернуть назад. В одиннадцать часов утра Третья японская эскадра под командованием адмирала Дэва начала сближение.

Примерно в это время у капитана «Орла» Николая Юнга не выдержали нервы, и пушки корабля произвели примерно тридцать выстрелов по японским крейсерам. Рожественский просигналил: беречь боезапас. Экипаж «Орла» удалился на обед, бурно обсуждая первую встречу с противником. Офицеры выпили за государя бокал шампанского.

Теперь эскадра была в самой середине Цусимского пролива. В левом ряду шли (по порядку) «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин», «Нахимов» (Вторая эскадра); за ними

«Николай Первый», «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков» (Третья эскадра). В *правом* ряду шли лучшие корабли, лучшие эскадренные броненосцы России, «Князь Суворов», «Александр Третий», «Бородино», «Орел» (Первая эскадра). Желая прикрыть Вторую и Третью эскадры, Роже-ственский повернул Первую эскадру налево и увеличил скорость, желая встать перед японцами в линию. Русский флот был силен своей *правой* стороной и слаб *левой*.

Два флота шли навстречу друг другу. Роже-ственский полагал, что Того появится из тумана, обволакивающего горизонт на севере. И он снова начал перестраивать свои боевые порядки, когда на горизонте снова появились японские крейсера – что послужило причиной отмены предшествующего приказа. Первая эскадра следовала за «Князем Суворовым», и это создало неразбериху: когда Того появился со своим флотом, то русский флот встретил его не походным строем, а шел в два ряда, возглавляемым Первой эскадрой, за которой следовала Вторая и Третья эскадры.

Снова перестроились и устремились вперед. Эти маневры русские моряки практиковали неоднократно. Но сейчас произошло некоторое смещение, и Роже-ственский приказал вернуться к прежнему строю, построиться в линию.

Корабли Роже-ственского вышли из тумана в девятнадцать минут второго пополудни. Теперь противники наконец увидели друг друга. Японский Объединенный флот стоял в семи милях к северо-востоку от головного корабля Роже-ственского: появились четыре линейных корабля (эскадренных броненосца) и восемь тяжелых крейсеров адмирала Того. На флагмане «Микаса» находился он сам.

На капитанском мостике «Князя Суворова» один из ветеранов Порт-Артура командор Семенов стоял рядом с адмиралом Роже-ственным, когда очертания далеких японских кораблей стали проявляться. Он узнал силуэты японских кораблей и вскричал: «Вот они – все шесть здесь – как 10 августа». Даже не повернув головы, Роже-ственский поправил Семенова: «Нет, здесь больше – они все здесь».

Офицеры спустились на бронированный мостик. Роже-ственский полагал, что Того неизбежно повернет на юг, чтобы обрушить мощь своих линкоров на более слабые русские корабли. Делать нужно было именно так, так было написано в учебниках. Это позволило бы русскому флоту продолжать движение к Владивостоку. В этом случае более слабая часть флота Роже-ственского определенно могла пострадать, но жемчужина его флота – его Первая эскадра – ушла бы в защищенный русский порт.

Этого и не хотел допустить Того. Его главной идеей было осуществление весьма рискованного маневра, в результате которого японский флот становился на пути русского. Адмирал Того предпринял рискованный маневр. На виду у русских пушек он развернул (знак «всем вместе») «Микасу» резко налево, как бы открываясь русским артиллеристам. Акийяма: «Я не знаю, как там у них в Европе и Америке, но у нас этот маневр известен 700 лет». Флот Того повернул на северо-запад, затем на запад на виду у головной колонны российского флота. Он повернул к приближающимся русским кораблям борт своего флота. Пересекая путь следования русской эскадры, Того начал создавать «Т», где верхней планкой был его флот. Это наступательная позиция. Так поступали в водах Японского архипелага пираты, так воевали моряки рода Сацума. Адмирал Того решил напасть на головную часть российской колонны, стоя правым бортом всех своих основных кораблей.

Бортом к головному отряду Роже-ственского встали двенадцать лучших японских кораблей. К эскадренным броненосцам, к броненосцам первого класса – главной мощи японского флота – присоединились шесть броненосных крейсеров: «Изумо», «Асама», «Азума», «Токива», «Иватэ», «Ягумо».

Когда развернулись курсом на северо-восток «Фудзи» и «Асахи» (скорость 15 узлов, значительно быстрее русских кораблей), наступил черед японских артиллеристов. В 1.52

«Микаса» сделал первый выстрел. Главной целью японцев были «Князь Суворов» и «Ослябя», лидеры двух колонн.

Адмирал Рожественский предпринял последнюю попытку диктовать свои условия битвы в двадцать четыре минуты третьего: он слегка развернулся налево, но, уstraшенный огнем «Микасы», снова повернул направо. Эти маневры происходили в драгоценные минуты, когда «Микаса» и другие японские линкоры приготовились атаковать русский флагман, а крейсера направили свои пушки на «Ослябю».

* * *

Трагизмом исполнены те минуты, когда японские артиллеристы открыли огонь по «Князю Суворову». Все вспоминают, что «море вокруг «Суворова» закипело». Пока остальные русские корабли выдвигались, флагман эскадры стал прекрасной мишенью. Четырехфутовые снаряды падали на него. Первым раненым офицером стал мичман князь Церетели, любимец женщин, непобедимый в теннисе, в застолье, в песне.

Снаряды с тонкой оболочкой были превосходным японским изобретением группы адмирала Ижуина Горо – их называли «фурошики» – «платочки»; русские моряки видели, как они не только пробивали сталь, но и вызвали пожар. Русские называли эти снаряды «жидкий огонь».

Воздух стал настолько горячим, что все вокруг заструилось. Мертвые тела повсюду. Меткое попадание означало до одиннадцати убитых. Запах стоял страшный. Униформы в крови. Рожественский был пока невредим, он стоял рядом с капитаном Игнациусом, и смотрели они оба в щели амбразуры. Но такой вид наблюдения вскоре стал невозможным – дым закрыл видимость.

Знак беды прозвучал, когда на «Суворове» вспыхнул первый большой пожар. Семенов организовал тушение пожаров, скользя по окровавленной палубе флагмана. Еще раз увы: большинство русских моряков никогда в жизни не были в настоящем морском бою, их словно завораживало происходящее. «Проснитесь! Несите скорее воду!» Семенов намеревался детально отмечать все события битвы. Но эти события захлестнули его, и он не мог терять ни секунды. «Как я мог делать заметки, если невозможно было сосчитать даже число залпов, обрушившихся на нас? Я не только не видел никогда такого огня, но не мог себе его представить. Снаряды падали непрерывно, один за другим».

Осколок поразил и Рожественского, но не очень серьезно. Адмирал сел в кресло, вокруг него было шесть тел погибших. Офицеру, сообщившему о пожаре, он ответил: «Постарайтесь потушить. Отсюда я ничего больше сделать не могу». Даже будучи объятый пламенем, «Князь Суворов» вел прицельную стрельбу. Умирая, он отдавал себя флоту и родине. От его огня крейсер «Асама», получивший три пробоины ниже ватерлинии, вышел из боя. Пятью минутами позже Рожественский получил более серьезные раны – в голову и ноги. Голову обмотали полотенцем. Он продолжал сидеть и руководить. Кожа на скуле «открылась как конверт», обильно текла кровь. Его унесли вниз.

Далекий от сентиментальности Джексон: «Погибающий, но сражающийся «Суворов» вызывал восхищение». Три человека, три офицера – лейтенант Вырубов, мичман фон Курзель и лейтенант Богданов отказались покинуть погибающий «Суворов». Курзель с двумя матросами занял последнее орудие «Суворова», и они вели огонь до последнего снаряда. Флагман «Суворов» был весь в красно-коричневом дыму и пламени, со снесенными мачтами. В семь часов вечера «Князь Суворов» опустился на дно.

Русские корабли отбивались. На «Микасу» пало более десяти снарядов, один в непосредственной близости от адмирала Того. Тот продолжал смотреть в бинокль. Он не оборачивался и был спокоен. Много трупов, висящие на вантах части тел. Англичанина Пакенхэма ударила

«часть человеческой скулы с явными признаками нехватки зубов». Весь в крови, Пакенхэм покинул свое витое кресло. Даже он не мог вынести происходящего.

Старый броненосец «Ослябя» быстро ощутил близость конца. На виду у всех, видя гибель своего корабля, один из артиллеристов выстрелил себе в голову. Примерно треть команды попала в японский плен. Желтые трубы «Осляби» лежали параллельно водной поверхности, изрыгая дым. Капитан Баер призывал моряков не цепляться за корабль – их засосет пучина. Но деваться было некуда – то был страшный вид, перевернутый гигантский корабль с тонущими в огне матросами.

* * *

На русских кораблях пожары повсюду, большие людские потери. Японские фотографии демонстрируют только пламя и дым. Наблюдатель капитан Томас Джексон, хладнокровный морской волк, не мог удержаться, пораженный видом смертей стольких людей.

Черный дым заволоч все море. Того не знал о смертельных ранах, поразивших «Суворов» и «Ослябя», он видел прежде всего то, что русский флот продолжает путь к Владивостоку. Этого нельзя было допустить. Он просигналил Первой японской эскадре повернуть на северо-восток, отрезая путь русским.

Командование русской эскадрой взял на себя капитан «Александра Третьего». Главные корабли наконец-то встали в поперечную линию. Поздно. Новый флагман стал и новой главной мишенью. В 3.20 он вспыхнул. Теперь он не мог вести за собой колонну. Вскоре после семи часов вечера он перевернулся и затонул. Из 900 членов его команды не уцелел никто.

Его место занял линкор «Бородино». Он держался недолго. Пакенхэм: «Все смотрели, как несчастный корабль исчез, сопровождаемый глухим ревом, и огромное облако поднялось над местом его гибели».

В целом пяти часов сражения оказалось достаточно, чтобы сокрушить морскую мощь России, ее надежду в этой несчастливой для нее войне. Из двенадцати русских кораблей, составивших боевую линию, восемь были потоплены, а четверо сдались в плен. Из общего состава крейсеров четыре были потоплены, три интернированы в Маниле и только яхта наместника Алексеева «Алмаз» нетронутой прибыла во Владивосток. Туда же дошли два миноносца. Четыре русских миноносца были потоплены, один взят в плен, один интернирован в Шанхае. Три специальных сопровождающих судна были потоплены, два интернированы в Шанхае, одно дошло до Мадагаскара в самом конце июня 1905 г.

Русские потери – 4830 человек убиты, семь тысяч взяты в плен, 1862 человека интернированы в нейтральных странах.

Потери японцев составили 110 человек убитыми, 590 – ранены. У японцев были повреждены три торпедных катера, требовался ремонт для нескольких других судов, но все они готовы были к дальнейшей службе.

Итоги войны

Поражение в войне с Японией похоронило идею русского господства в Азии. Но столь быстрое поражение России в Маньчжурии не входило в планы германского императора Вильгельма Второго. Россия могла «отвернуться» от Тихого океана и снова сделать Европу центром своих интересов. А здесь ее союзница Франция была уже как бы и не одна: французская дипломатия сблизилась с британской, и наметились контуры Антант кордиаль – Сердечного соглашения. Союз же «троих» – Франции, России и Британии создавал устрашающий Германию «штальринг» – стальное кольцо стратегического окружения.

Поворот в российской политике вовсе не вызвал восторга в Берлине, где хотели видеть Россию занятой если и не на Дальнем Востоке, то в приятной для немцев близости к англичанам – в Средней Азии. Один из германских стратегов пишет в это время, что завершение строительства немцами Багдадской железной дороги (от Берлина до Багдада) предполагает изоляцию России от Ближнего Востока и сосредоточение ее на Средней Азии – «ее подлинной сфере влияния». Как явствует из мемуаров Вильгельма Второго, ни Германия, ни Запад не знали, каким будет курс России после поражения от Японии.

Приплывший на яхте в финские шхеры (в финский Бьерк) в июле 1905 г., когда Россия переживала горечь поражений в Маньчжурии и ощущала надвигающуюся революцию, кайзер Вильгельм Второй составил проект договора между Германией и Россией, к которому в будущем должна была присоединиться Франция. Сошлось русское желание обзавестись надежными союзниками и германское желание найти союзников помимо Австро-Венгрии и Италии.

Через 12 лет, в августе 1917 г., Временное правительство опубликовало текст этого договора русского и германского императоров. Согласно самой важной, первой статье, в случае, «если любое европейское государство нападет на одну из двух империй, союзные стороны окажут друг другу помощь всеми силами, наземными и морскими». Россия заключала этот договор с условием если и не участия в нем Франции, то требуя ее уведомления о договоренности Петербурга и Берлина. Русский посол в Париже Нелидов изложил содержание договора в Бьерке французскому правительству.

Понятен произведенный поворотом в Бьерке шок для французов – Россия теряла свое значение спасителя и гаранта Франции. После некоторой паузы в начале октября 1905 г. премьер-министр Франции Рувье ответил Нелидову достаточно прямо: наш народ ни при каких обстоятельствах не согласится на установление тесных взаимоотношений с Германией. Французское правительство не соглашалось с позорным для него Франкфуртским договором, отнявшим у французов Эльзас и Лотарингию. Реванш за поражение в 1870 г. в условиях союза Парижа не только с Петербургом, но и с Лондоном казался реальным. Вследствие этого Франция исключила для себя возможность тройственного союза Париж – Берлин – Петербург.

Одновременно Витте и Ламздорф объяснили государю, что подписанный (без согласования с ними) договор представляется направленным своим острием против Англии, у которой уже сформировались особые отношения с главной союзницей России – Францией. Это обстоятельство – несогласие Франции, великой континентальной страны и главного союзника России, войти в триумвират с Германией, потенциальная враждебность Лондона обязали и вынудили Николая II сообщить императору Вильгельму о невозможности реализации Бьеркского соглашения. Испарился (достаточно призрачный) шанс оздоровить обстановку в Европе и продолжать российское развитие на основе как французских инвестиций, так и германской технологии.

После неудачной попытки разбить ось Париж – Петербург и создать союз в Бьерке кайзер сделал вывод: «Русские одновременно и азиаты и славяне; как первые, они склоняются, в конечном счете, к союзу с Японией, несмотря на недавнее поражение; как вторые, они поста-

раются связать свою судьбу с теми, кто сильнее». Но в Берлине не было единодушия. Скажем, по мнению А. Тирпица, создателя германского флота, ухудшение отношений с Россией «было кардинальной ошибкой германской политики... Симпатии наших интеллектуалов по отношению к западной цивилизации стали причиной наших бед... Эта утилитарно-капиталистическая цивилизация масс менее соответствует германскому характеру, чем даже извращенный идеализм русских на Востоке... Может ли история быть более самоослепляющей, чем в случае взаимоуничтожения немцев и русских к вящей славе англосаксов?».

* * *

Несмотря на все свои победы, Япония все явственнее ощущала тяжесть борьбы с Россией. Да, Мукден и Цусима венчают японские победы, но следовало учитывать ряд жестких фактов. Японские армии могут разбить превосходящего их количественно врага, но они *не могут* завоевать Россию. Маньчжурская армия Японии была в *три* раза по численности меньше русской армии. Из Европейской России в Маньчжурию поступали новые корпуса; такого потока подкреплений Япония своим войскам обеспечить не могла. 53 процента японского бюджета шли на военные нужды, это разоряло и ослабляло страну. Значительная часть кадровых офицеров японской армии погибла. Уже в битве под Ляояном обнаружился недостаток боеприпасов. Япония потратила в 8,5 раза больше средств, чем на предшествующую войну с Китаем. Пятнадцать месяцев военных действий довели Японию почти до полного истощения.

В глубокой тайне японский кабинет министров уже обсуждал проблему завершения войны, когда поступили записи бесед специального японского посланника Канеко с президентом Теодором Рузвельтом, согласившимся быть посредником. 21 апреля 1905 г. японский кабинет министров обозначил основные желательные условия мира.

Цусима изменила многое. Японцы теперь стремились использовать, «капитализировать» свой феноменальный успех. Понятно, что, потеряв весь флот в Тихом океане, Россия была вдвойне заинтересована в прекращении бойни, в которой она претерпела столь унижительные поражения на морях, на маньчжурских сопках, на стенах крепостей. Перед царем возникла угроза революции возмущенного народа.

Американский посол Мейер встретился один на один с Николаем Вторым и пересказал ему предложения Рузвельта. «Мнение всех сторонних наблюдателей, включая самых верных друзей России, сходится в том, что нынешний конфликт абсолютно безнадежен и результатом его продолжения будет утрата Россией всех своих владений в Восточной Азии. Чтобы избежать того, что может стать неотвратимым несчастьем, президент самым искренним образом советует приложить усилия к тому, чтобы представители двух воюющих сторон обсудили вопросы заключения мира между собой, позволив сторонней державе лишь организацию встречи».

«Если Россия согласится на такую встречу, президент постарается добиться согласия японской стороны, действуя исключительно по собственной инициативе и не указывая на Россию как на инициатора». (Мейер не знал, что японцы осуществили подобный зондаж по собственной инициативе.) Посол продолжал читать в напряженной тишине. «Президент верит в то, что его инициатива увенчается успехом. Ответ России на данное предложение будет держаться в полном секрете, ничто не будет предано гласности до согласия Японии. Затем президент открыто запросит обе стороны согласиться на встречу, которая может состояться в заранее согласованное время и на согласованной территории. Что касается места встречи, то президент предлагает найти таковое между Харбином и Мукденом; но это лишь предположение. Президент искренне надеется на скорый и благоприятный ответ, который предотвратил бы кровопролитие и раздор».

Разумеется, императору было тяжело смирить свою гордость, но речь шла о сотнях тысяч его подданных. По протоколу время аудиенции завершилось, но царь продолжал безмолвно

сидеть. Наконец он сказал: «Если мое решение останется в абсолютном секрете как в случае отказа Японии, так и в случае ее согласия, я соглашаюсь с планом президента».

* * *

С.Ю. Витте отправился в США на лайнере «Вильгельм Великий». Англосаксонский мир был для Витте неведом, и он пригласил с собой в Америку петербургского корреспондента лондонской газеты «Дейли телеграф» доктора Э. Диллона, старого друга и советчика. Диллон помогал ему и в сочинении речей. Уже первая речь Витте по прибытии в Америку была хорошим примером психологической войны. Витте говорил о России как о «бравом антагонисте», он всячески пропагандировал укрепление уз дружбы между Соединенными Штатами и Россией. Рузвельта он превозносил как «одаренного талантами лидера». Журналисты аплодировали, а в Америке это уже немало. В «Сент-Реджис Отель» приходили такие письма: «Семь десятых населения Западного побережья – вместе с Вами в противостоянии японских непомерных территориальных требований».

Витте сознательно привносил в свою речь ощущение бесшабашной мощи. Перед удивленным американским президентом его французский лился неостановимым потоком: «Мы не побеждены, и мы не примем условий, которые не соответствуют нашим интересам. Первое, мы не будем платить никаких контрибуций». В письме императора Николая II были обозначены возможные уступки: признание прав Японии в Корее, передача Ляодунского полуострова (если на то согласится Китай). «Если встречные требования, – сказал Витте, – будут чрезмерными, мы будем продолжать оборонительную войну до крайних пределов, и мы еще посмотрим, кто продержится дольше». Сила и целеустремленность российской делегации произвели определенное впечатление.

Цель русской дипломатии состояла в том, чтобы представить дело так, что ситуация в Маньчжурии меняется для России к лучшему. Россия отнюдь не побеждена, да и принципиально не может быть побеждена. Если японцы будут настаивать на контрибуциях, то у России не будет альтернативы продолжению войны. Важно было показать, что Япония сражается за материальные выгоды и территориальные приращения. Если убедить наблюдающий мир в сугубой корысти островной нации, то нейтралы изменят свои позиции в антияпонском духе. Бравые маленькие японцы в глазах наблюдателей станут жадными и своекорыстными бойцами за деньги и территории.

В конечном счете, русские участники переговоров возвратились в Нью-Йорк в пессимистическом настроении. Витте шлет каблогранму министру иностранных дел Ламздорфу: «Ясно, что президент питает очень слабые надежды в отношении мирного договора».

У обеих делегаций были инструкции от своих правительств. Японцы были озабочены тем, что они могут *отобрать* у русских. Русские же интересовались тем, что они могут *отдать*, и пределами, за которые они выйти не могут. Царь: «Я не считаю, что мы разбиты; наша армия еще нетронута, и я верю в нее». Царь был готов отказаться от русского влияния в Корее, то не была русская территория. Но что касается выплаты репараций, тут он был тверд: «Россия никогда не платила дани; я *никогда* не соглашусь на это». Николай трижды подчеркнул последнее предложение.

Было условлено, что переговоры будут тайными, но Витте делал вид, что это было *японское* условие. Удивительным было то, что на следующий день бостонские газеты в деталях изложили японские условия. Японцы были в ярости. Подозрение пало на пресс-секретаря русской делегации.

В воскресенье, 13 августа 1905 г., посланник от Витте сказал японцам, что очередное заседание отменяется – русская делегация идет в церковь. Японцы тоже решили посетить христианский храм. Во многом это было результатом того, что посол Такахира был сторонником

строжайшего уважения местных моральных норм и обычаев. Витте с двумя сопровождающими отправился в церковь на автомобиле, сопровождаемый всей русской делегацией в омнибусе. Настоятель церкви Христа Спасителя и не пытался скрыть, на чьей стороне его симпатии. Один из псалмов он пропел на мотив русского национального гимна.

На следующий день С.Ю. Витте ответил на японские условия пункт за пунктом. Камнем преткновения стали Сахалин и контрибуции. Но, сказал Витте, Россия *не готова* идти на мир «на любых условиях». Русская делегация в те дни не знала, в какой мере, насколько серьезно Япония нуждается в деньгах – война подорвала ее финансы. Война стоила Японии миллион долларов в день, и она нуждалась в кредите – примерно в 200 млн. долл.

...Драма достигла пика 29 августа 1905 г. Довольно неожиданно для японцев Витте кладет на стол лист бумаги: Россия не будет платить контрибуций, но она готова отдать южную часть Сахалина, если ей вернут северную часть «безо всяких компенсаций». Он был настолько уверен в исходе дела, что телеграфировал в Петербург: «Я почти полностью убежден, что они уступят». Именно так и случилось.

У Комуры проявилась общая японская слабость – боязнь быть обойденным другими, страх перед ошибкой, ступор в случае даже частичной неудачи. Комура молчал. В комнате воцарилась тишина. Витте взял другой лист бумаги и начал рвать его на куски – удар по удивительной японской чувствительности. С огромным напряжением в голосе Комура сказал, что японское правительство желает восстановить состояние мира и довести эти переговоры до конца. Он согласен на раздел Сахалина и снимает свои требования относительно контрибуций. Витте выиграл в интеллектуальной битве. Когда русские вышли из помещения, Комура рыдался, отвергая все поздравления.

Россия пообещала передать японцам арендные права на Ляодунский полуостров вместе с Китайско-Восточной железной дорогой между Порт-Артуром и Чанчунем плюс угольные шахты. Япония отныне главенствовала в Корее. Она получила Порт-Артур и Дальний. «Нью-Йорк таймс»: «Поразительная дипломатическая победа. Нация, безнадежно разбитая во всех битвах войны, при одной капитулировавшей армии и другой, изгнанной со своих мест, с военно-морским флотом, изгнанным с морей, продиктовала свои условия победителям».

Часть вторая

Россия в ПЕРВОй МИРОВОй ВОЙНЕ

Рубеж мировой истории

Первая мировая война является одним из важнейших рубежей мировой истории, изменивших мировое развитие в социальном, экономическом и военном отношении. Она вызвала поистине революционные преобразования в промышленности, в технологии, в средствах массовой коммуникации, в организации национальной экономической жизни, в системе внутренних социальных отношений. Эта война «высветила» национальный вопрос, дала современную форму националистическим движениям. Она же, в конечном счете, вывела на арену истории те массы народа, которые как бы «спали до этого историческим сном». Первая мировая война стоила европейскому региону места центра мировой мощи, авангарда мирового развития. Европа поплатилась за бездумное самомнение государственных деятелей.

Беседуя с французским послом в начале 1914 г., Николай Второй говорил, что Россия безусловно разовьет свой громадный потенциал. «Наша торговля будет развиваться вместе с эксплуатацией – благодаря железным дорогам – ресурсов в России и с увеличением нашего населения, которое через 30 лет превысит триста миллионов человек». Ни царь, ни его окружение не проявили должной мудрости, понимания того, что находящейся в процессе модернизации России опасно перенапрягаться, что ей важнее внутреннее укрепление.

Современные западные исследователи, более трезво (чем их предшественники в начале века) оценивающие возможности России, согласны в том, что нашей стране более всего была нужна не война, а историческая передышка, время для активного реформаторства, культурного подъема и индустриализации. «Для России не было жизненно важным пытаться сравняться с Западом в качестве современной индустриальной державы, ей следовало выйти из международного соревнования на одно или два поколения для культивации своего огромного и почти что девственного сада... Печальным фактом является то, что Россия встала на гибельный путь тогда, когда в последние предвоенные годы Европа была буквально наэлектризована очевидной жизненной силой и интенсивностью творческого духа великой страны на Востоке».

Россия боится

После ухода Бисмарка с поста канцлера объединенной Германии – индустриального лидера Европы – прервалась столетняя традиция ее дружбы с Россией, которая страховала нашу страну с Запада, а Германии позволила стать мощным силовым центром. Берлин стал ориентироваться на слабеющую Вену в ущерб Петербургу.

Как пишет сведущий в данном отношении министр иностранных дел С.Д. Сазонов, «Европа начала мириться с мыслью о неизбежности своего превращения в германскую данницу. Если бы Германия, оценив истинное значение такой победы в настоящем и еще более в будущем, удовлетворялась громадным результатом, достигнутым трудолюбием своего народа и организаторским даром своих промышленников и предоставила естественному ходу событий начатое дело, она, в настоящую пору, стояла бы, по богатству и могуществу, во главе государств Европы. Призрак мирового могущества заслонил в ее глазах эту легко достижимую цель».

При любом повороте событий внутренние конфликты все равно взорвали бы Австро-Венгерскую империю и неизбежно встал бы вопрос о дунайском наследстве. Повтор раздела Польши, столь скрепивший дружбу России и Германии, был уже невозможен. Россия, возможно, отдала бы Германии не только Австрию, но и Чехию. Германия, со своей стороны, видимо, достаточно легко согласилась бы на предоставление России Галиции, а также, возможно, Румынии и Трансильвании. Но германское правительство, чьи границы простирались бы до Юлианских Альп, едва ли позволило бы России доминировать на восточном побережье Адриатики. И венгры не позволили бы никакой державе решать за себя свою судьбу. Раздел Австрии вызвал бы жестокие конфликты, которые вскоре же привели бы Германию и Россию к противоречиям. Партнерство Германии с Россией за счет Австрии было столь же невозможно, как и партнерство России с Австрией за счет Германии – на чем настаивали неославянофилы. Оставалась лишь третья комбинация – Германия и Австрия в роли защитников Германии от России.

Устрашенная германским динамизмом, Россия выбрала европейский Запад против европейского Центра. Россия нуждалась в безопасности, в гарантии от эксцессов германского динамизма. Желая избежать зависимости от растущего германского колосса (на которого приходилась половина российской торговли), император Александр Третий в 1892 г. вступил в союз с Францией. Этот оборонительный союз страховал обе страны от германского нападения.

Перед 1914 г. между русским и французским военными штабами была создана целая сеть взаимных связей. Отношения с Францией уже виделись нерасторжимыми, но Россия хотела знать позицию и английской стороны. Император Николай был уверен, что союз России и Запада остановит экспансионизм Берлина. «Германия, – говорил царь, – никогда не осмелится напасть на объединенную Россию, Францию и Британию, иначе как совершенно потеряв рассудок». В феврале 1914 г. царь Николай предложил английскому правительству провести закрытые военные переговоры. Во время аудиенции 3 апреля 1914 г. Николай Второй сказал послу Бьюкенену: «У меня более чем достаточно населения; такого рода помощь не нужна. Гораздо более эффективной была бы кооперация между британским и русским флотами».

В середине апреля французы от имени своего российского союзника попросили английского министра иностранных дел Грея ответить на предложение царя. Грей передал вопрос Антанты британскому адмиралтейству. В Лондоне собственно российский военно-морской флот ставили невысоко. Большая его часть покоилась в Цусимском проливе и в Порт-Артуре. (Дума приняла в 1912 г. пятилетний план строительства линейных кораблей. Но новый флот пока находился в чертежах.)

Более важным для англичан было другое соображение: не будить русских подозрением в недооценке их как союзников, как говорил Грей, «следует восстановить доверие России и сохранить ее лояльность». В середине мая британский кабинет согласился на ведение тайных переговоров, о чем немедленно уведомили Сазонова. Основные переговоры были отложены на август 1914 г.

Предпосылки конфликта

Посол Германии в США граф Бернсторф считал, что Германия, если бы она не бросила вызов Британии на морях, получила бы ее помощь в борьбе с Россией. В любом случае, при индустриальном росте Германии ей нужно было мирно пройти «опасную зону», а через несколько лет с германским могуществом в Европе никто бы не рискнул состязаться. Ошибкой Германии было то, что она вызвала необратимый антагонизм Запада, Британии в первую голову. «Мы росли слишком быстро. Мы должны были быть «младшими партнерами». Если бы мы шли по их пути, у нас бы не перегрелись моторы нашего индустриального развития. Мы не превзошли бы Англию так быстро, и мы избежали бы смертельной опасности, вызвав всеобщую враждебность». Но в будущем, полагал Бернсторф, Германии все же пришлось бы выбирать между континентальным колоссом Россией и морским титаном Британией. Германия сделала для себя худшее – оттолкнула обеих, да еще и стимулировала их союз.

Сближение России с Францией (и в дальнейшем с Британией) вызвало ярость правящей элиты Германии. В 1912 г. германский император Вильгельм Второй записывает: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русские) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества». Глава германского Генерального штаба фон Мольтке был убежден, что «европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту. Нападение последует со стороны славян. Тем, кто видит приближение этой борьбы, очевидна необходимость концентрации всех сил».

Германия считала союз России с Западом неестественным. Она неустанно повторяла, что слепое единение Британии и Франции с Россией приведет к самым плачевным для Запада результатам. Казаки войдут в Копенгаген, Стамбул и Кувейт, и тогда Лондон и Париж пожалуют о крахе Германии.

Запад отвечал приблизительно следующим образом: именно пруссианизм прерывает плавную европейскую эволюцию, что же касается России, то она методично повторяет фазы развития Западной Европы.

Со временем союз России с западными державами стал тревожить Берлин как фактор окружения Германии. В марте 1914 г. Мольтке представил доклад о военных приготовлениях России: после поражения от Японии в 1905 г. Россия восприняла урок и укрепила военную мощь; ближайшей датой готовности России к войне будет 1916 г. Прусское министерство финансов представило правительству свои выводы о том, что Россия укрепляется в финансовом отношении. Россия становится мощнее, время работает на нее, Берлин должен предпринять необходимые меры.

Проправительственная «Кельнише цайтунг» (2 марта 1914 г.): «Политическая оценка Россией своей военной мощи будет иной через три или четыре года. Восстановление ее финансов, увеличение кредита со стороны Франции, которая всегда готова предоставить деньги на антинемецкие военные цели, поставили Россию на путь, конца которого она достигнет осенью 1917 года». Цели России согласно германским оценкам: захват Швеции, который сделает Россию хозяином Балтийского моря, захват Дарданелл, овладение Персией и Турцией.

«Берлинер Тагеблат» за 1 марта 1914 г. задалась вопросом: на чьей стороне время, на стороне «цивилизованной Европы, представленной в данном случае Германией и Австро-Венгрией, или на стороне России»? Ситуация рисовалась устрашающей: «Быстро растущее население Российской империи на фоне падения рождаемости на Западе, экономическая консолидация русских, строительство железных дорог и фортификаций, неистощимый поток денег

из Франции, продолжающаяся дезинтеграция габсбургской монархии – все это серьезные факторы».

Советник канцлера Бетман-Гольвега профессор Лампрехт так оценил ситуацию: «В Европе усиливаются разногласия между германскими, славянскими и латинскими народами, Германия и Россия превращаются в лидеров своих рас».

Канун

Обрисовывая в июне 1914 г. адмиралу Битти мировую обстановку, царь указал, что распад Австро-Венгерской империи – вопрос лишь времени и недалек день, когда мир увидит отдельные венгерское и богемское королевства. Южные славяне, вероятно, отойдут к Сербии, трансильванские румыны – к Румынии, а германские области Австрии присоединятся к Германии. Тогда некому будет вовлекать Германию в войну из-за Балкан, и это, по мнению царя, послужит общему миру.

Однако в конце июня 1914 г. в Сараево сербский националист Гаврила Принцип убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда. Жесткий австрийский ультиматум был принят Сербией за исключением пункта, касающегося суверенитета страны. Несмотря на это, в четверг 30 июля 1914 г. австрийский император Франц-Иосиф провозгласил полную мобилизацию Австро-Венгрии.

Россия стояла перед выбором. В решающий момент министр иностранных дел Сазонов прямо сказал царю в Петергофе: «Или мы должны вынуть меч из ножен, чтобы защитить наши жизненные интересы... или мы покроем себя вечным позором, отвернувшись от битвы, предоставив себя на милость Германии и Австрии». Император согласился с этими доводами. Видя военные приготовления Вены, Николай тоже объявил о всеобщей мобилизации. Аппараты Центрального телеграфа Петербурга разнесли во все концы империи роковой приказ.

Приказ о мобилизации был серьезным обстоятельством, но германский генерал фон Хелиус докладывал из Петербурга в Берлин: «Мобилизация здесь осуществляется из-за страха перед грядущими событиями и не затеяна с агрессивными замыслами, издавшие приказ о мобилизации российские власти уже уstraшены возможными последствиями». Тем не менее, кайзер Вильгельм ответил на мобилизацию России ультиматумом – если Россия не прекратит военных приготовлений, Берлин будет считать себя в состоянии войны с Петербургом.

Приказ о мобилизации французской армии поступил в тот же день. Что же, случилось худшее. По словам историка Г. Ферреро, «государства западной цивилизации в конечном счете осмелились сделать то, что в предшествующие века посчиталось бы безумием, если не преступлением – они вооружили массы людей».

Германский ультиматум Франции (с требованием отдать под германское командование приграничные французские крепости) истекал в час дня 1 августа. Через пять минут германский посол фон Шен потребовал ответа, и на Кэ д'Орсэ ему ответили, что «Франция будет действовать в соответствии со своими интересами». Тогда Германия объявила войну Франции.

Какова позиция Британии? «Нам, – докладывает после беседы с Сазоновым британский посол Бьюкенен своему министру иностранных дел, – придется выбирать между активной поддержкой России или отказом от ее дружбы. Если мы ее теперь покинем, то мы не сможем рассчитывать на дружественные отношения с ней в Азии, которые для нас столь важны».

Вступление в войну, которая сокрушила миллионы судеб и не принесла желаемого ни одной стране-участнице, произошло необычайно легко. Словно мир решил забыть об ответственности. Английский историк Гордон Крейг пишет о начале войны: «Это была необычайная смесь нереализованного патриотизма, романтической радости по поводу возможности участия в великом приключении, наивного ожидания того, что тем или иным способом этот конфликт разрешит все прежние проблемы. Большинство немцев верило также ревностно, как и большинство англичан и французов, что их страна стала жертвой brutального нападения; выражение «мы этого не хотели, но теперь мы должны защищать свое отечество» стало общей формулой и вело к впечатляющей национальной консолидации. Русская мобилизация разрешила сомнения тех, кто критически относился к довоенной политике Германии».

* * *

Россия вступила в войну, не имея ясно очерченной цели. Она выполнила союзнические обязательства перед Францией, основываясь на желании ослабить германское влияние внутри страны и нейтрализовать «претензии Германии на военное и политическое доминирование». Ведь в случае победы Германии, полагал Сазонов, «Россия теряла прибалтийские приобретения Петра Великого, открывшие ей доступ с севера в западноевропейские страны и необходимые для защиты ее столицы, а на юге лишалась своих черноморских владений, до Крыма включительно, предназначенных для целей германской колонизации, и оставалась, таким образом, после окончательного установления владычества Германии и Австро-Венгрии на Босфоре и на Балканах, отрезанной от моря в размерах Московского государства, каким оно было в семнадцатом веке». Какими бы разными ни были цели России и Запада, в одном они были едины – следует подорвать силы германского *империализма* (именно этот термин употребили все три главных союзника – Британия, Франция и Россия).

Анализ взглядов царя и его министров приводит к выводу, что союз с Западом рассматривался ими как долговременная основа русской политики, а не только как инструмент ведения данной конкретной войны. Именно исходя из этого стратегического курса, Россия не готовилась требовать от Германии, в случае ее поражения, многого. Петроград видел гарантии от германского реванша в тесном союзе с Западом.

Национальное единство немцев в августе 1914 г. было впечатляющим. Кайзер заявил 4 августа: «Я больше не различаю партий, я вижу только немцев». Почти все из них считали войну путем к освобождению от британских цепей и одним из шагов к европейскому и мировому возвышению. Историк Фридрих Майнеке писал в эти дни: «Мы должны сокрушить Британию до такой степени, чтобы она признала нас равной себе мировой державой, и я верю, что наша мощь для достижения этой цели достаточна».

В России национальный порыв был не менее впечатляющим. 2 августа в громадном Георгиевском зале Зимнего дворца, перед двором и офицерами гарнизона, в присутствии лишь одного иностранца – посла Франции, – император Николай перед чудотворной иконой Казанской Божьей Матери повторил слова императора Александра I, сказанные в 1812 г.: «Офицеры моей гвардии, присутствующие здесь, я приветствую в вашем лице всю мою армию и благословляю ее. Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока останется хоть один враг на родной земле».

По оценке военного министра Сухомлинова, «война с Германией была популярна в армии, среди чиновничества, интеллигенции, во влиятельных промышленных кругах». Господствующей стала идея, самым простым образом выраженная в выступлении Сазонова в Думе третьего августа 1914 г.: «Мы не хотим установления ига Германии и ее союзницы в Европе». Руководители почти всех политических партий выразили готовность идти на жертвы, чтобы избавить Россию и все славянские народы от германского доминирования.

Депутаты Государственной думы почти единодушно (исключая лишь большевиков) объявили правительству о своей поддержке. Военные кредиты были приняты единогласно, и даже социалисты, воздержавшиеся от голосования, призывали рабочих защищать свое отечество от неприятеля. Демократы ждали после сопутствующего войне национального единения наступления эпохи конституционных реформ. Французский посол вынес из этого заседания впечатление, что русский народ, который не хотел войны, будучи застигнутым врасплох, твердо решил взять на себя ее бремя. Даже руководители социалистических партий проповедуют верность воинскому долгу, но они убеждены, что война приведет к торжеству пролетариата.

Война сблизит все социальные классы, непосредственно познакомит крестьянина с рабочим и студентом, она выявит недостатки бюрократии, заставит правительство считаться с

общественным мнением, в дворянскую касту вольется демократический элемент офицеров запаса (так же, как это было во время Русско-японской войны, без чего военные мятежи 1906 г. были бы невозможны).

* * *

В 5 часов утра 3 августа из лондонского Форин-оффиса в британское посольство в Петербурге поступила лаконичная телеграмма: «Война с Германией, действуйте». Посольство было засыпано цветами. В присутствии царя Бюкенен предложил тост за «две наиболее мощные империи в мире», которые после войны будут определять ход мировых дел, с чем Николай Второй «сердечно согласился».

Патриотизм первых дней был, безусловно, искренним. Но и у этого чувства корни оказались недостаточно глубокими. В русских деревнях, откуда пришли на фронт миллионы солдат, никто не имел ни малейшего понятия, по какому поводу и за что ведется эта война. Фаталистическое приятие смерти не могло компенсировать энергичных и разумных долговременных упорных усилий, за «веру, царя и отечество» нужно было воевать не только храбро, но и умно. Да что там крестьяне, вожди армии – ее генералы выделили из своей среды истинно талантливых полководцев только ко второму-третьему году войны. Даже такие молодые генералы, как Янушкевич, не владели техникой индустриальной войны, они не сумели избавиться от стереотипов старой эпохи, погубили лучших офицеров и безо всякого таланта распорядились судьбой первого, лучшего набора крестьянской массы и городских мастеровых.

Стратегия

Германия кипела в расовой ненависти. 11 августа на собрании в муниципалитете Берлина профессор фон Харнак говорил об угрозе западной цивилизации со стороны «цивилизации Орды, которая созывается и управляется деспотами, монгольской цивилизацией московитов. Эта цивилизация не могла вынести уже света восемнадцатого века. А еще менее свет девятнадцатого столетия, а сейчас, в двадцатом веке разрывает связи и угрожает нам. Эта неорганизованная азиатская масса, как пески пустыни, стремится засыпать наше плодоносное поле».

Начальник Генерального штаба германской армии фон Мольтке пишет 4 августа 1914 г.: «В этой войне речь идет о сохранении германской цивилизации и ее принципов против нецивилизованного славянства».

Потенциальная количественная мощь германской армии была на сорок процентов больше французской (9750 тысяч против 5940 тысяч). Разумеется, российский людской потенциал был более внушительным. Но, как пишет Б. Лиддел Гарт, «достоинства России лежали в физической сфере, а недостатки – в области интеллектуальной и моральной... Мужество и выдержка ее солдат были овеяны славой. Но коррупция и некомпетентность пронизали ее руководство. Рядовой состав не имел подготовленности и инициативы, необходимых для научного ведения военных действий, – он создавал инструмент огромной твердости и малой гибкости, – а производственные ресурсы были меньшими, чем у великих индустриальных держав... Россия, чья вошедшая в поговорку медленность и недостаточная организация требовали проведения осторожной стратегии, оказалась готовой к тому, чтобы порвать с традицией и вступить в азартную игру, которую могла позволить себе лишь армия огромной мобильности и организации».

* * *

Тактически немцы обладали тремя важными преимуществами. Во-первых, они полностью осознали значимость тяжелых гаубиц и имели их значительное число. Во-вторых, они более других осознали значимость пулемета, доминирующего над полем сражения. В-третьих, германский Генштаб полностью осознал значимость железнодорожных коммуникаций как средства быстрой концентрации войск и их скоростного перемещения. Стратегию Германии в начавшейся мировой войне определяли идеи графа Шлиффена (начальника Генерального штаба Германии в 1891–1906 гг.) Он пришел к выводу, что в условиях войны на два фронта «вся германская мощь должна быть брошена против одного врага, сильнейшего, наиболее мощного, самого опасного врага, и им может быть только Франция». Семь восьмь германской армии были направлены на запад, чтобы сокрушить Францию за шесть недель. На востоке немцы оставили только заградительные силы для прикрытия. Победив французов, немцы собирались всей мощью навалиться на Россию.

«План Шлиффена» предполагал концентрацию германских войск на бельгийской границе, удар через Бельгию с выходом в Северную Францию, серповидное обходное движение во фланг укрепленной французской границы, взятие Парижа и поворот затем на восток, с тем чтобы уничтожить основные французские силы примерно в районе Эльзаса. Немцы использовали игнорирование французами новых факторов современной технологии: пулеметов, тяжелой артиллерии, колючей проволоки (многое из этого внимательные немецкие наблюдатели впервые увидели на первой войне современного типа – Русско-японской войне десятью годами раньше).

Степень подготовленности

После войны с Японией реформа русской армии началась лишь в 1910 г.: сокращение периода мобилизации; техническое оснащение армии; искоренение «маньчжурского синдрома» – памяти о злосчастных поражениях; организация запасов и системы подкреплений. Были уменьшены гарнизоны крепостей, увеличена численность офицерского корпуса, улучшено питание и обмундирование солдат, увеличена численность пулеметов. Рекрутирование войск отныне осуществлялось строго по территориальному принципу. Солдаты были вооружены надежной пятизарядной винтовкой калибром 7,62 мм. Общий вес боевого снаряжения составлял примерно тридцать килограмм. Русская армия 1914 г. была много сильнее армии десятилетней давности.

И все же русская армия так никогда и не достигла уровня, сопоставимого с германским. Россия не породила военных гениев, ее армия отражала слабости страны в политической, социальной и культурной сфере. Никто не отказывал русским в мужестве и упорстве, но трудно отрицать неэффективное использование огромных людских масс. Организационная слабость порождала дефекты снабжения всем – вооружением, амуницией, средствами связи, госпиталями. В России отсутствовало необходимое для войны индустриального века компетентное экономическое планирование. У русской армии были запасы для ведения боевых действий в течение лишь 6–8 месяцев.

Слабые стороны отражал факт бедности основной массы населения России, неграмотность половины ее населения. Малообразованные солдаты плохо ориентировались на местности, труднее овладевали техникой, терялись в сложной обстановке.

Русские заводы производили лишь треть автоматического оружия, остальное закупалось во Франции, Британии и Соединенных Штатах. В течение первых пяти месяцев войны военная промышленность России производила в среднем 165 пулеметов в месяц (пик производства был достигнут лишь в декабре 1916 г. – 1200 пулеметов в месяц). Западные источники предоставили России 32 тысячи пулеметов. Каждый тип пулемета имел свой собственный калибр патрона, что осложняло снабжение войск. То же можно сказать о более чем десяти типах винтовок. Не лучше было положение в артиллерии. Более тридцати семи миллионов снарядов – два из каждых трех использованных – были завезены из Японии, Соединенных Штатов, Англии и Франции. Чтобы достичь русской пушки, каждый снаряд в среднем «проделывал путь» в шесть с половиной тысяч километров, а каждый патрон – в четыре тысячи километров. Недостаточная сеть железных дорог делала снабжение исключительно сложным, и к 1916 г. напряжение стало чрезвычайно ощутимым.

В отношении массы наличных войск Россия и Франция имели несомненное численное превосходство над коалицией Центральных держав. В начале войны, в августе 1914 г., у России было 114 боеготовых дивизий, у ее главного военного союзника – Франции – 62 дивизии, к которым вскоре присоединились 6 британских дивизий. Германия выставила в первый месяц войны 78 дивизий, а ее главный союзник Австро-Венгрия – 49 дивизий.

Перспективное планирование

Царь и его министры желали послевоенного доминирования на Западе Британии и Франции, а России – в Восточной Европе, а между ними лежала бы буфером слабая Германия. К 14 сентября 1914 г. Сазонов подготовил проект, в котором были обозначены основные политические цели России, Франции и Британии.

1) Три державы нанесут удар по германской мощи и покончат с претензиями Германии на военное и политическое господство в Европе; 2) территориальные изменения должны быть осуществлены, исходя из принципов прав национальностей; 3) Россия аннексирует нижнее течение реки Неман и восточную часть Галиции, она присоединит к российской Польше Познань, Силезию и западную часть Галиции; 4) Франция возвратит себе Эльзас, Лотарингию и, если она того пожелает, часть Рейнской Пруссии и Палатинат; 5) Бельгия увеличит свою территорию; 6) область Шлезвиг-Гольштейн будет возвращена Дании; 7) государство Ганновер будет восстановлено; 8) Австрия будет состоять из трех частей – Австрийская империя, королевство Богемия и королевство Венгрия; 9) Сербия аннексирует Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию; 10) Болгария получит от Сербии компенсацию в Македонии; 11) Греция и Италия разделят Южную Албанию; 12) Англия, Франция и Япония разделят германские колонии.

Французский министр иностранных дел Делькассе сообщал послу Извольскому, что у России, Франции и Британии нет оснований для разногласий. Главная цель – сокрушение лидерства Пруссии в Германии. Шлезвиг-Гольштейн вернется к Дании. Англия получит германские колонии. Россия получит гарантии свободного прохода в черноморских проливах. Франция получает Эльзас и Лотарингию. Цели, преследуемые Россией и Францией, практически идентичны и будут реализованы, как только французские и русские войска встретятся в центре Германии.

Британский министр иностранных дел Грей прислал в Петроград перечень британских целей: овладение частью германских колоний; нейтрализация Кильского канала; передача Шлезвига (без Гольштейна) Дании; передача основной части германского флота Британии; компенсация Бельгии за счет Голландии, а той за счет Германии (Германская Фризия). На Германию налагались тяжелые репарации «для нейтрализации ее мощи». Франция получит Эльзас и Лотарингию, а также некоторые из германских колоний. России предназначались польские провинции Пруссии и Австрии, а также русские (украинские) регионы в Галиции и на Буковине.

Немцы в случае победы предполагали уничтожить Францию как великую державу, ликвидировать британское влияние на континенте и фактически изгнать Россию из Европы, устанавливая в ней германскую гегемонию. Германия намеревалась создать под своим началом буферное польское государство из русской части Польши. Немцы начали активную пропагандистскую работу среди российских национальных меньшинств. Большинство в правящей элите решительно желало развала Российской империи, низведения Франции до положения второй-степенной державы, создания контролируемой Германией зоны от Пиренеев до Мемеля, от Черного моря до Северного, от Средиземноморья до Балтики, что позволило бы Германии конкурировать с Соединенными Штатами в борьбе за мировое экономическое первенство.

Реализация планов

6 августа 1914 г. началось огромное по масштабам перемещение германских войск на запад. 550 поездов в день пересекали мосты через Рейн, более миллиона человек были перевезены в 11 тысячах поездов – шедевр военной организации. Отступая на своем левом фланге, командующий германским фронтом фельдмаршал фон Клюк, связав французов в гористой местности на подходах к Рейну, сосредоточил основные силы на правом фланге, бросил все свои основные силы севернее, через Бельгию. Преодолев сопротивление крепостей Льеж и Номюр, он вышел во фланг основным силам французов. Так лопнула идея французского плана (предполагавшего французское наступление на центральном участке противостояния), французы не встретили основные силы немцев там, где ожидали.

Ворвавшиеся в Северную Францию 1, 2-я и 3-я германские армии (общим числом в тридцать дивизий) начали движение с севера к Парижу. Неукротимое стремление немцев на северо-запад подсказало Жофру стратегический замысел противника. Французские армии разворачивались на север с тем, чтобы нанести удар во фланг или тыл германским дивизиям. На подходе к Парижу и разыгрались решающие события на Западном фронте.

* * *

В русской действующей армии уже на тринадцатый день войны было собрано 96 пехотных и 37 кавалерийских дивизий – 2,7 млн. человек в дополнение к миллиону резервистов и войск крепостей. Возникший в августовские дни Восточный фронт простирался на полторы тысячи километров между Мемелем на Балтике и Буковиной в предгорьях Карпат.

Ускорение развертывания войск противоречило мнению профессионалов. Французскому военному атташе генералу Лагишу Жилинский в сердцах сказал: «История проклянет меня, но я отдал приказ двигаться вперед». Как полагает английский военный историк Б. Лидл Гарт, «решение выставить 800 000 солдат на пятнадцатый день мобилизации создало напряжение в громоздкой российской военной машине с ее многочисленными недостатками, проявившимися при начале ее движения. Ощутимым стало напряжение и в российском Генеральном штабе, где решения стали приниматься в состоянии нервного ажиотажа».

Но перед Россией стоял вопрос сохранения солидарности с Западом, и Россия принесла себя в жертву. Вот мнение британского посла Бьюкенена: «Если бы Россия считалась только со своими интересами, это не был бы для нее наилучший способ действия, но ей приходилось считаться со своими союзниками». На следующий день после окончания мобилизации 1-я армия генерала Ренненкампа и 2-я армия Самсонова общей численностью в 410 батальонов, 232 кавалерийских эскадрона и 1392 пушки (против 224 батальонов пехоты, 128 эскадронов и 1130 пушек немцев) под общим командованием генерала Жилинского начали наступление на Восточную Пруссию.

Идея заключалась в том, чтобы двумя огромными клещами окружить войска генерал-полковника фон Притвица, защищавшие Восточную Пруссию. Ренненкампа выступил прямо на запад – сквозь Роминтернский лес прямо в центр юнкерской Пруссии, а Самсонов должен был проделать серповидное движение и сомкнуться с ней с юга примерно в районе Мазурских озер. Тогда дорога на Берлин была бы открыта.

Это был весьма смелый замысел, но он требовал четкой координации всех участвующих в нем сторон. Однако Жилинский, столь блестящий в придворном окружении, не умел вести наступательные бои. Он не обеспечил связь с обеими выступившими армиями. Он оставил артиллерию в безнадежно устаревших крепостях. Дивизии резерва никак не были связаны с выступившими в боевое соприкосновение войсками.

Оба генерала – Ренненкампф и Самсонов – хотя и были избраны по критериям компетентности, опыта и энергии, но их вера во всепокрушающую силу кавалерии, безразличие к постоянной разведке, неумение наладить снабжение наступающей армии – сыграли дурную службу.

Однако шансы на успех были все же весьма значительными, несмотря на тактическую и стратегическую слепоту русских генералов. Главнокомандующий германскими войсками в Восточной Пруссии генерал Притвиц не смел полагаться на свои четыре корпуса и начал готовиться к отступлению за Вислу. Во время телефонной беседы с главной штаб-квартирой Притвиц впал в истерику. Стресс оказал дурную услугу. Генерал Мольтке сам был в состоянии высшего напряжения – ближайшие дни должны были показать реальную цену «плана Шлиффена». На службу был призван отставной генерал Гинденбург, сменивший Притвица. Начальником штаба Гинденбурга стал генерал-майор Э. Людендорф, оказавшийся лучшим германским стратегом этой войны. С прибытием дуэта Гинденбург – Людендорф в штаб Восточного фронта начинается «научная» война германского командования против храброго, но лишённого стратегического видения и организации русского воинства.

Отвечавший за разведку полковник Гофман в свое время был германским военным атташе в Санкт-Петербурге, и поэтому никакие ошибки русского военного руководства не могли его удивить. Он воспринял как должное то, что русский командующий армией по радио открытым текстом ставил задачи своим командирам корпусов. Он убедил Людендорфа, что Ренненкампф не будет спешить на помощь Самсонову – два генерала не разговаривали друг с другом, а их дуэль во время японской войны предотвратил лишь царь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.